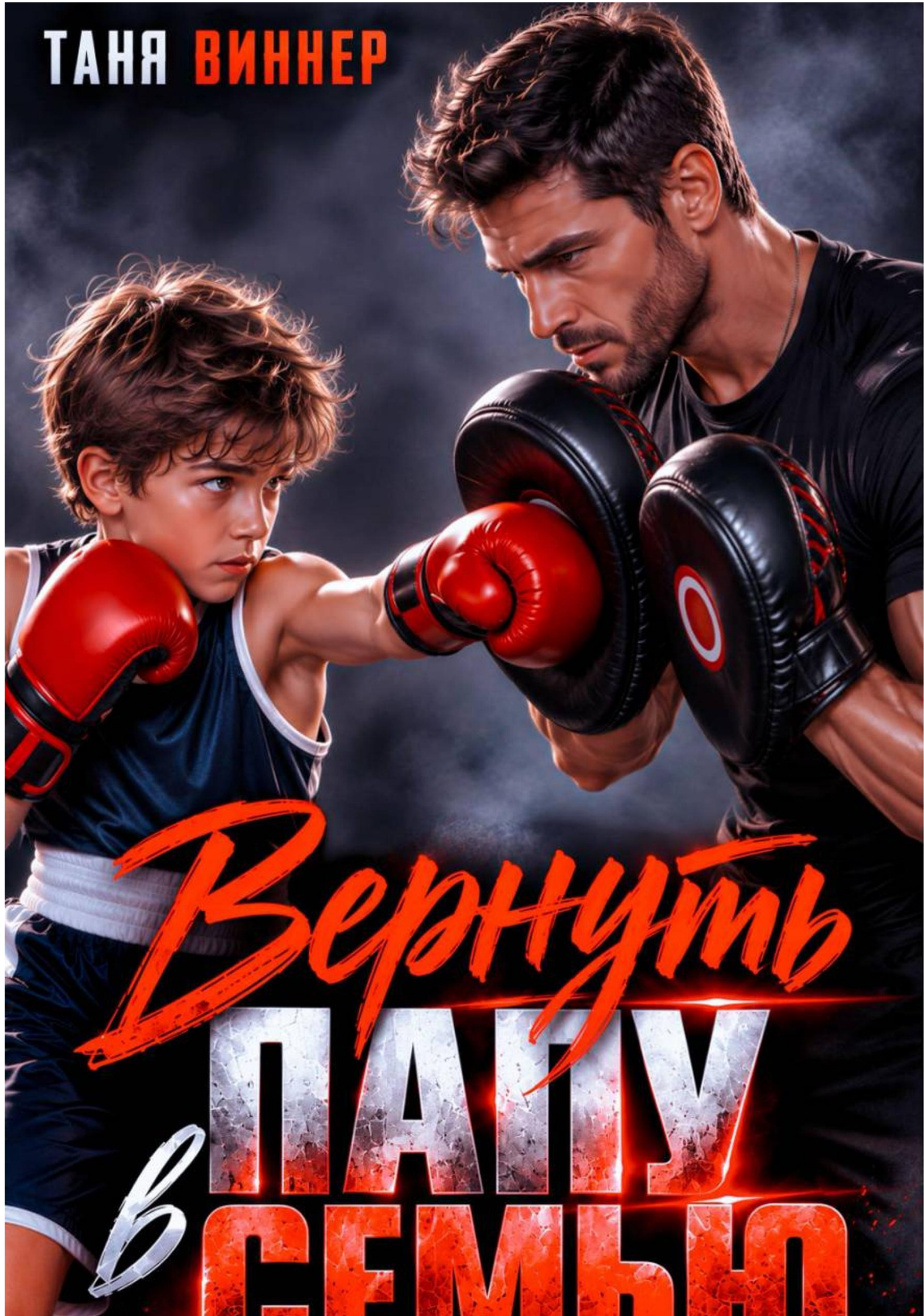

ТАНЯ ВИННЕР

Вернуть
ПАПУ
в
СЕМЬЮ

Таня Виннер

Вернуть папу в семью

«Автор»

2026

Виннер Т.

Вернуть папу в семью / Т. Виннер — «Автор», 2026

Там, где волны бьются о камни, пытаясь поглотить маленький приморский городок, живет мужчина без сердца. Десять лет назад он оставил его в Москве, с единственной женщиной, которую когда-то любил. Савелий надеялся никогда не столкнуться с прошлым, но в городе происходит преступление, за которым стоит девятилетний мальчик. Сын его Любимой. И, похоже, у этого мальчика слишком много секретов.

© Виннер Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Таня Виннер

Вернуть папу в семью

Глава 1

САВЕЛИЙ

Маленький приморский городок дышал октябрём.

Не той яркой, золотой осенью, что продают туристам на глянцевых открытках, а тяжелым, сырым дыханием моря, которое уже остыло и готовилось к зиме.

Ветер с залива нес мелкую, колючую пыль, пахнущую йодом, гниющими водорослями и нагретыми на солнце камнями.

Я поднял воротник старой кожаной куртки. Кожа затрещала, протестуя, но пропустила внутрь лишь новую порцию сырости. В кармане глухо звякнули ключи от служебной «Нивы» и гильза от патрона, который десять лет назад чуть не лишил меня жизни.

Оленевка сползала в спячку. Закрытые до мая ларьки с пахлавой и пластиковыми дельфинами, пустые веранды летних кафе, где ветер гонял по мокрому настилу одинокий пластиковый стакан.

Туристы и дачники уехали еще в середине сентября, забрав с собой суету, громкую музыку и иллюзию праздника. Остались только мы - местные. И те, кто не может уехать.

Я остановился на пирсе. Дерево под ногами было осклизлым, опасным. Внизу, метрах в трех, билась о сваи черная вода. Ни белой пены, ни красивых барашков - только глухая, тяжелая работа моря, методично вгрызающегося в бетон.

- Опять ты здесь, Пушкин.

Коротко, как выстрел. Констатация факта, ни разу не вопрос.

Голос за спиной принадлежал Михалычу, нашему местному смотрителю маяка. Единственному человеку в радиусе ста километров, который мог позволить себе говорить со мной в таком тоне.

- Где мне еще быть в шесть утра? - хрипло ответил я, не оборачиваясь.

Легкие саднило от первого утреннего кофе, выпитого натошак.

- Там, где положено. В чатах пишут про труп на Северной косе. Он, знаешь ли, сам себя не осмотрит. Прямо слышу, как матерится следственная группа, пока ты стоишь тут и море слушаешь. Алые паруса высматриваешь? – старик усмехнулся собственной шутке.

Адмирал, потерявший свой корабль во время операции, о которой еще лет двадцать нельзя говорить.

Ему можно. Пусть смеется. Пусть издевается. Но старик вдруг замолчал.

Подождал ближе, обдав меня запахом крепкого чая и самодельного табака.

Михалыч ткнул узловатым пальцем в сторону горизонта, где свинцовое небо сливалось с такой же свинцовой водой.

- Забирает. Октябрь всегда забирает твоё спокойствие. Я заметил.

Я, наконец, обернулся.

Лицо Михалыча, изрезанное морщинами и солью, казалось высеченным из того же темного камня, что и волнорезы.

- Мне часто снится палуба моего корабля, - вдруг проговорил он, глядя куда-то за горизонт. – Глянцевая, чистая, пахнущая солью и солнцем. А что снится тебе, майор Пушкин?

- Хочешь знать, что мне снится? – усмехнулся я, пряча озябшие руки в карманы. - Сухой асфальт на Проспекте Мира. Огни Московского метро. Перекресток у шаурмичной Марата. Там, если встать и замереть, слышно, как под землей поезда гудят. Низко так, утробно. Это

звук жизни, понимаешь? А здесь... здесь только море. Оно жрет берег и выплевывает соль. И тишина. Такая, что собственные мысли по ушам бьют.

- Так садись на паром и езжай, - Михалыч пожал плечами, словно это было проще простого. - Кто держит?

Вопрос повис в воздухе. Он не раз его задавал, а я молчал.

Рассказать ему про ту единственную, к которой я больше не мог вернуться?

Нет, пожалуй, не сейчас. Не сегодня.

Старик долго молчал, разглядывая мои скулы. В Оленевке, среди обветренных, дубленых лиц местных трудяг и счастливых загоревших туристов, моё лицо всегда казалось чужим - слишком бледным, слишком городским.

- Ладно, дед. Поеду я, пока областные не понаехали. А то проболтается кто из моих... Им наша с тобой старикинская лирика до фонаря, им бы всяков поменьше. Повесят труп на первого попавшегося и свалят в закат.

Лицо старого зрителя на секунду дрогнуло, потеряв привычную каменную невозмутимость. Он быстро оглянулся на свой маяк, словно оттуда могли наблюдать за нами.

- Ты поаккуратней с такими словами, майор. Десятый год здесь живешь, а до сих пор не понял. В Оленевке море глубокое, а память у людей короткая. Но меткая. Закопают так, что ни одна твоя Москва с ее прокурорами не найдет.

- Пусть ищут, - я достал телефон, чтобы проверить сообщения.

Пальцы мелко дрожали. Не от холода. От предчувствия, что этот октябрь заберет еще кого-то. Хотя, что еще можно было у меня забрать?

Пробежав глазами десяток пожеланий «С Добрым утром», объявления о продаже генератора, молока и пеленок для собак, я наткнулся на фото с пляжа и вздрогнул.

Пора было ехать на косу. Октябрь ждал отчетов, а море - прилива, который к полудню окончательно слизнет последние следы преступления.

Я шел к «Ниве», чувствуя, как сырость пробирается под куртку, пытаюсь сковать сердце ледяными пальцами смерти.

Зря старается. Оно уже давно не бьется. Десять лет.

Глава 2

САВЕЛИЙ

Десять лет прошло. А всё помнится с такой болезненной отчетливостью, будто бы это было вчера. Словно я до сих пор стою в прихожей нашей съемной квартиры на Бабушкинской, и сквозняк из приоткрытого окна треплет тюль.

Агата швыряет вещи в открытый чемодан. Рыжие волосы взъерошены, хотя и подхвачены повязкой.

Любимой, голубой в белую ракушку. Она привезла ее из Сочи, когда мы еще были счастливы.

- Да сколько же можно, Савелий?! - голос срывается на высокой, звенящей ноте. - Когда ты уже начнешь думать не только о себе?!

Её можно понять.

Факультет международных отношений. Красный диплом на горизонте. Лучшая на курсе. Планы. А тут я - резкий, прямолинейный. Да, любимый. Да, до одури любящий, но не умеющий молчать, когда происходит несправедливость.

Прямо перед камерами я обвинил губернатора в организации ОПГ.

У меня не было прямых доказательств. Лишь косвенные улики, но мой отдел пытался поймать его хоть на чем-то уже пять лет! Я просто не сдержался. В тот момент, когда он, сыто улыбаясь, объявил о том, что планирует усыновить сироту из детского дома.

Лазаревский был промежуточным звеном в системе торговли детьми. Из ближайших, дружественно-братских, стран. А теперь он вдруг захотел стать... отцом?

Лицемерие, от которого сводило челюсти.

Мой порыв грозил мне не только концом карьеры, но и реальной статьей.

На помощь пришел Матвей Дробов, мой друг из соседнего отдела. У него были связи с адвокатской конторой. Я даже не знаю, во что бы мне обошлись их услуги, если бы пришлось платить самому. В общем, отделался я переводом в тьмутаракань.

Агата об этом не знала. Она ушла к родителям, потом попыталась вернуться. Все-таки «чуВстВа».

Но я её не принял. И не потому что внезапно разлюбил, а потому что любил с каждым днем все сильнее.

Её дерзость, каким-то магическим способом смешанная с ледяным самоконтролем, её целеустремленность. Её страсть, с которой она делала все на свете, а особенно - любила меня.

И я любил. Поэтому сказал тогда, глядя мимо нее, прямо на чемодан, который она прикатила обратно:

- Оставь ключи на тумбочке. Нам не по пути. Ты всегда будешь правильной, а я всегда буду идти против течения. Мы погубим друг друга.

Агата не плакала. Не умоляла подумать ещё раз. Она только подошла вплотную, пахнувшая духами и любимым мятным Американом, и поцеловала.

Крепко-крепко, до отчаяния, до кровавого привкуса на губах. И ушла.

Я собрал вещи и уехал в Оленевку. И прожил тут десять лет.

Каждый день был похож на подвиг Сизифа, который гонит свой камень в гору.

В городе, где застряли девяностые, где участковый закрывал глаза на браконьерство за ящик кефали, наводить столичные порядки оказалось не так просто. Но я же Пушкин. А Пушкин везде влезет. Вот и я влез. Выжил. И заставил местных жить по моим правилам.

Притормозив на старом пляже, взмыв из-под колес грязный песок, я вышел из машины и хлопнул дверью. Не закрывал. Кто позарится на ментовскую «Ниву»? Разве что чайка нагадит на капот. Так то к деньгам. Глядишь, зарплату повысят. Хотя, на что мне тут её тратить?

Моя группа уже копошилась внизу, у подножия дюны. Труп был накрыт черным полиэтиленом. Не дождался меня, но причина понятна - зеваки. В это время года туристы в Оленевке - большая редкость, так откуда эти взялись? Тем более... дети?

- Спортсмены, - кивнул Клык, местный участковый, на группу подростков в одинаковых синих куртках. - На турнир по боксу приехали. В Ялту. У Малиновских в отеле остановились.

- А здесь что забыли? Пробежка по песку с утяжелением?

Клык промямлил что-то неинформативное.

Трое пацанов разного возраста. Самому младшему - лет девять. И, если остальные смотрят на труп и ментов с любопытным, но безопасным ужасом, то этот уставился прямо на меня.

Хмурый, грязный. В фирменных кроссах и спортивном костюме, явно не с китайского сайта. Взгляд не детский. Пустой, тяжелый, как та самая октябрьская вода.

Я отвел взгляд и шагнул к криминалисту. Алиса куталась в пуховик, но руки в латексных перчатках двигались четко, без дрожи.

- Сухая справка, майор, - она подняла на меня покрасневшие от ветра глаза. - Мужчина. На вид, тридцать-тридцать пять лет. Умер где-то сутки назад. Скорее всего, от ножевого ранения в спину, в область сердца. Удар профессиональный, точный. Крови почти нет, тело просто бросили на песок с дюны.

- И за сутки его никто не нашёл? - с подозрением прищурился я, глядя на пустую, продуваемую ветром косу.

- Нашёл, - кивнула Алиса, продолжая делать запись. - Вон тот мальчик.

Она указала шариковой ручкой на пацана, который все так же буравил меня взглядом. И что-то в его лице меня реально напугало. Не ужас, не шок. Слишком знакомая, глухая, выжженная пустота. Будто бы я вижу призрака из прошлого.

- Клык, - не оборачиваясь, бросил я. - Там наверху фудтрак Ареса стоит. Отведи туда детей. Выдай им по бутылке воды, только чтобы сидели за столиком и не смотрели сюда. И найди мне того, кто за них отвечает. Живо.

Когда пацанов, подгоняя окриками, увели к дороге, я присел на корточки. Надел перчатки, взял край полиэтилена и аккуратно откинул его с лица мертвеца.

Ветер тут же взъерошил слипшиеся от соли темные волосы. Лицо серое, с заострившимися чертами. Очередной Неизвестный. Судя по одежде, не турист. Скорее, офисный работник. Только вот не было в Оленевке офисов.

- Алиса, - голос прозвучал слишком равнодушно. - Фото сделай, пальчикиними. И в базу.

- Уже сделала, шеф, - отозвалась женщина.

Уверен, спешила. Дома - муж и двое спиногрызов. Такие работники не горят на работе. Для них - это лишь способ заработать на пачку макарон.

Я поднялся, отряхивая песок с колен. Солёный ветер бил в лицо, пытаюсь выдавить из глаз то, чего там давно не было - влагу.

- Майор, там эти... боксеры, - Клык уже вернулся, хрустя песком. - Старший тренер приехал. Хочет забрать ребята в отель, но малой орет, что никуда не поедет. Вас требует.

- Зачем? - не понял я.

- Так он труп нашел. Типа на утренней пробежке был и нашел.

- Где он? - я машинально поднял взгляд на дюну.

- У машины вашей жметя.

- Я же сказал... - Начал привычно рычать я. - Не отпускать!

- Так его даже тренер удержать не смог, - Клык развел руками. - Мне что надо было с ребенком делать? К тому же, он боксер. Пусть и маленький.

- Ладно, - я снял перчатки. - Пойду поговорю с ним. Как зовут?

- Серёга, - опешил Клык.

- Да, не тебя, идиот! Парня.

- А, парня, - растерялся лейтенант. – Емеля.

- Е... Чего? – опешил я. – Ты уверен, что это не выдуманное имя?

Клык пожал плечами:

- Паспорта у него не было.

Тихо выругавшись, я начал взбираться по дюне.

Парнишка, действительно, стоял у моей машины. Но тренер контролировал его издалека.

Я махнул тому, чтобы подошел. Не мог я допрашивать несовершеннолетнего.

- Емеля? - спросил я, приседая перед парнем на уровень глаз.

Он молча кивнул.

- Ты знал этого человека? Видел его раньше?

Мальчишка долго на меня смотрел, затем перевел взгляд на море.

- Нет, - ответил он. Голос был хриплым, простуженным. – Но я знаю, кто его убил.

Глава 3

САВЕЛИЙ

Врет. Я слишком долго смотрел в глаза тем, кто врет. В его пустом взгляде не было страха перед мертвецом.

Там было лишь ледяное, звенящее упрямство.

Пустота, которая всегда пугала меня больше крика.

Она вдруг напомнила моё собственное отражение в зеркале ванной комнаты по утрам.

- Хорошо, - я выпрямился, чувствуя, как заныла старая травма в спине. - Сейчас поедешь с капитаном Клыковым в отдел. Там тепло, дадут чаю с печеньем. Расскажешь ему, как всё было. Составишь фоторобот. И никуда не уходи, пока я не приеду.

К нам как раз подошел тренер, он ворчал и тяжело дышал на промозглом ветру.

- Виктор Зацепин, - представился мужчина, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

- Подполковник Савелий Пушкин. Вы всё услышали? Есть, с кем остальных оставить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.